

Великая музыка, великие исполнители имеют ярко выраженные национальные корни, но их всевластие получает всемирное признание. Запад восторженно принял дягилевскую экспансию русского балета, аккумулировал как эталонный образец русскую исполнительскую школу. Шостакович, Прокофьев, Хачатурян — самые исполняемые в мире композиторы XX века. Если успех эмигрантов или временно работающих за рубежом писателя, ученого, предпринимателя всецело определяется степенью адаптации к новым условиям, то музыкант остается русским, даже если он успешно осваивает западнобуржуазный стиль жизни или ходит в хасидскую синагогу.

Более того. «Чувства обостряются, когда ты не дома», — говорил Ростропович. — Поэтому моя любовь к русской музыке, конечно, усилилась. Она стала мне еще дороже за границей». Схожие мысли и чувства выражает Геннадий Рождественский, который вопреки сложившемуся на родине представлению о нем, как о пропагандисте современной западной музыки, за границей отдает приоритет русской классике. Дело здесь не в конъюнктурной политике. Немцы и русские Чайковский, Стравинский, Малер — почти разные композиторы. И зарубежный национальный оркестр в составе ультрапрофессионалов обретает новое духовное состояние с приходом русского дирижера.

Сегодня стали общим местом суждения о том, что российское национальное самосознание для успешной интеграции в мировое сообщество, сопричастности мировым стандартам цивилизации нуждается в коренной реконструкции. Даже признавая след за Петром Первым, Столыпиным и Лениным необходимость учиться предпринимательской деловитости у Запада, мы, отстававшие от прогресса, чув-

ствуем себя обойденными, обиженными невыигранным сравнением. Но ведь оставшие наше касается вещей пусть и неоспоримо важных, но утилитарных, в системе национальных ценностей и традиций приоритета не имевших. В духовном развитии, в вершинной сфере его — музыке наши позиции не утрачены, и даже широкую эмиграцию исполнителей можно охарактеризовать как русскую экспансию, не имевшую прецедента в истории культуры. Можно представить, сколько было бы шума со стороны истинных патриотов, хранителей национальных святынь, если бы русская сцена была заполнена западными исполнителями в таких масштабах, как сцены США и Европы — российскими. Конечно, мало радости, когда наши величайшие музыканты чаще слышны в Латинской Америке и Австралии, чем у себя дома. Но нужно видеть все стороны проблемы, которую не охарактеризовать в экспортно-импортных коммерческих категориях.

Уникальный процесс взаимодействия материальной и духовной культуры, которому освободили дорогу падение железного занавеса, окончание

холодной войны, можно охарактеризовать, избрав для этого его наиболее яркое, концентрированное проявление. Первое имя, которое при этом будет названо, — Ростропович.

Его личные и творческие обстоятельства широко известны. Но, будучи теснейше связаны с контекстом, глубинной сутью нового миропорядка, эти обстоятельства заслуживают серьезной аналитической оценки. Прежде всего он олицетворяет идею внутренней свободы художника, которого тоталитарный режим ни кнутом, ни пряником не сумел подчинить нормативным установкам.

Хотя он никогда не стремился, подобно, например, Дали, выйти за пределы человеческого в человеке, образ мысли и действия Ростроповича — и в искусстве, и в частной жизни — всегда вне стереотипов, поверх барьеров, конформизма, табу обыденного сознания. Это касается и музыки, и отклика на общественные явления, и удивительного духовного и интимного союза с Вишневецкой, и даже языка, интегрирующего богатство английской, французской, немецкой и особенно — все краски изящной и не для дам предназначенной экспрессивной русской словесности. Идет репетиция, становится жарко, подходящего места для пиджака не находится, и он летит — в кармане дорогой хронометр — со сцены на пол зала. У богатых свои причуды? Но он и бедным вел себя также.

При русской генетике, как и

Сахаров, внешней схожестью с которым он гордится, обликом и грассирующей речью не вписывается в стандартные представления о национальных героях. И внутренним миром, и внешними проявлениями, самым бытием своим он служит расширению нашего мировосприятия и душевного пространства.

Думаю, в поведении Ростроповича и Вишневецкой лишь идеологизированное сознание может усмотреть политическое целенаправление. Мотивация их суждений и действий определяется прежде всего чувством собственного достоинства, профессионального долга. Партийный бонза мог побывать в гостях, даже оказать какие-то услуги, однако вмешиваться, указывать — никогда! Но творческая независимость, уважение к себе и своему делу, отношения с духовно близкими людьми — это уже — таковы метаморфозы индивидуального и общественного — права человека, это уже политика высокого накала.

Общественная природа творчества, гражданское призвание большого художника для Ростроповича самоочевидны. «Когда в Вашингтоне что-то происходит, я стараюсь всем сердцем на это откликнуться», — говорил он. Так же — в Париже или Берлине. Как же можно считать для него возможным оставаться в стороне, когда в Москве происходят события планетарного, общечеловеческого значения? Сейчас он принимает усилия к смягчению противостояния в

Карабахе — и нет людей, остающихся безучастными к его призывам и действиям.

Если так уж случилось, что сегодня нет русского человека с большим, чем у Ростроповича мировым авторитетом, если его суждения и оценки воспринимаются с большим вниманием, чем дипломатические ноты, и к тому же он хорошо знает людей и обстоятельства и у себя на родине, и за рубежом, как же ему уклониться от гражданского призвания, даже если еще столько музыки не сыграно, если еще не написаны — мечта и долг перед людьми и Богом — книги о Шостаковиче и Прокофьеве.

Приходилось слышать не только от откровенных противников — он прилетал в Москву в августе 91-го за суперпаблсити, ничем не рискуя. Но когда многие люди не могут понять, отчего это у ГКЧП не хватило решительности довести дело до конца, пусть примут в расчет и то обстоятельство, что в партийных и военных штабах знали — у стен Белого дома Ростропович. Убежден, что заговорщикам было проще устранить физически Горбачева, Ельцина, чем неожиданно свалившегося на их головы Мазстро, матерно на весь мир излагавшего отношение к путчам.

Сегодня многие считают, что возросшая гражданская активность Ростроповича во многом обусловлена тем, что остается незанятой роль, которую играл в нашем обществе Сахаров. На крутых поворотах российской истории ей всегда был

Культура. — 1993. — 22 мая. — С. 8. ФЕНОМЕН

или Кое-что о диалектике, музыке и политике

Культура. — 1993. — 22 мая. — С. 9. РОСТРОПОВИЧА,

нужен нравственный лидер, неподвластный своекорыстию, подчиненный лишь долгу и совести. Калькулирующие интеллектуалы даже с прогрессивными ориентациями сплошь и рядом упускают главное, чего холодным разумом не постигнуть. «Наивные», неискушенные в дворцовых тайнах Сахаров и Ростропович доказали, что видят дальше и точнее, чем искушенные манипуляторы от политики, вивисекторы от истории.

Не обязательно роль духовных отцов нации, пророков должны выполнять священнослужители, писатели, ученые. Успешно управлял оркестром, играющим Малера или Шостаковича, — задача никак не менее сложная, чем макроэкономическое регулирование. Это не причуда нового времени — Маркс, Ленин, как и отцы западных демократий, часто сравнивали государственное управление с работой дирижера. В управлении Ростропович величайший профессионал. «Я никогда не дирижирую инструментами. Я дирижирую людьми, играющими на инструментах», — говорит он. И добавляет: «Я люблю людей».

Не могу согласиться с глубоко уважаемым мною Леонидом Гаккелем, который в недавней статье в «Известиях» упрекает Ростроповича за близость к властям. Смотри к каким властям! И разные это вещи — поддержка власти, пребывающей в благополучии, или солидарность с властью, переживающей большие трудности, когда неясны исход борьбы, самые близкие перспективы. Да и что, прямо скажем, кро-

ме медали «Защитника Свободной России», может дать Ростроповичу Президент России? К его всемирной славе не добавит, не убавит, квартирой и дачей, где спасался Солженицын, не Ельцин его обеспечил, в приобретении земли, недвижимости, антиквариата, живописи в США и Франции он тоже не помощник.

Здесь опять же немало поучительного. Что сказали бы наши патриоты, если бы, к примеру, богатый американец, скрипач Исаак Стерн, пусть и выходец из России, купил полтысячи гектаров земли под Москвой, обзавелся бы здесь особняком в престижнейшем районе, обустроил бы его так, чтобы о квартирах нашего спикера и Константина Борового говорить стало бы неинтересно?

Отметим, что еще один распространенный стереотип — высокое служение музам несовместимо с вниманием к мирским благам — также неприменим к Ростроповичу. Щедро благодетельствуя на родине, немало и за рубежом, он отнюдь не забывает, да и условия работы забывать не позволяют, о коммерческом аспекте бытия художника. Одно уточнение — зарабатывает, нередко предлагает состоятельным людям и организациям поддержать проект, идею. Может обратиться к другому миллионеру, у которого свой самолет: «Отвези в Берлин, я должен сыграть у разрушенной стены». Но у президентов и мэров денег не просит. Когда российское правительство прикрыло валютный счет

ГОСКО, где он один из учредителей, посчитал неудобным обращаться в газеты, хоть это и явное беззаконие.

Если уж считаться, кто кому нужнее, думаю, сегодня у Ростроповича, подписавшего декларацию в поддержку Президента России накануне референдума, возможностей воздействия на общественное мнение больше, чем у Ельцина, который направит приветствие по случаю очередных гастролей Национального симфонического оркестра США под руководством русского дирижера.

Об этом событии нужно сказать особо, на днях уточнены рабочие расписания этих гастролей, которые состоятся в сентябре. Намеченная музыкальная программа примечательна каждой строкой. В большом зале Московской консерватории будет исполнена Девятая симфония и Первый концерт для фортепиано с оркестром Д. Шостаковича, солист Игнат Солженицын. Во втором отделении — мировая премьера Шестой симфонии Альфреда Шнитке, посвященной Национальному оркестру США. На следующий день на Красной площади прозвучат Пятая симфония и увертюра «1812-й год» П. Чайковского. Использование Красной площади в качестве музыкальной сцены в последнее время нередко заканчивалось скандалами вплоть до судебных разбирательств. Можно не сомневаться, что гастроль оркестра Ростроповича обеспечит ее концертную реабилитацию. Третий день московских гастролей включает произведения

А. Томас, Ф. Шуберта, Г. Малера. А затем — выступления в Санкт-Петербурге, Вильнюсе, Риге, Таллинне.

По поводу этой программы будет что сказать не только музыковеду, историку искусства, но и политологу, и философу, размышляющему о патриотизме и космополитизме, конвергенции и миграции людей и идей. Но еще более, чем аналитические исследования, скажет сама музыка — о связи времен и народов, о мире, в котором живем, о «революции с лицом Ростроповича», суть и смысл которой становятся все более очевидными.

Не секрет: усталость, отчуждение определяют отношения многих деятелей культуры к нынешней российской действительности. С другой стороны, общественное сознание немало разочаровано советами и практическим поведением многих мастеров культуры, которые до недавнего охотно брали на себя роль духовных вождей, но сегодня все более склоняются к приватной для русского интеллигента позиции «чужа на оба ваши дома». При этом политический эскапизм нередко сочетается с творческим, профессиональным застоём.

Мстислав Ростропович больше не намерен брать в руки автомат для защиты Белого дома, но российский проблемы остаются важнейшими в его планетарном концертном зале, где успешно проходят проверку плодотворнейшие идеи мирового строительства.

Леонид ГОЛЬДИН,
профессор, доктор философских наук.